

ОТ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ВРЕМЕНИ К ХРОНОПОЛИТИКЕ

Д.Г. Горин

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.
117997, г. Москва, Стремянный пер., 28.

В статье рассматривается роль феноменологии времени в обосновании методологии хронополитики. В феноменологической перспективе хронополитика предстаёт как область знания, исследующая прежде всего вопрос о том, каким образом время определяет конструирование политических миров с характерными для них политической рефлексией, политическим мышлением и политическим действием. Политическая рефлексия основывается на многообразных формах переживания политического времени, которые определяют условия политического действия.

В хронополитических исследованиях конструирования политических миров принципиальное значение имеет различие непосредственно созерцаемого времени и времени, постигаемого дискурсивно. Проблема политической субъектности рассматривается в контексте внутреннего для неё «темпорального смещения», возникающего в результате противоречий между практическими, мыслимыми и проживаемыми формами времени. Например, такое «темпоральное смещение» проявляется в соотношении политического идеала и актуальной политической действительности. Разрешению характерных для политического мышления противоречий между должным и сущим способствует именно темпорализация: должное и сущее соотносятся, как правило, во времени.

Многообразные формы переживания политического времени и способности управления им в значительной степени определяют различия в политической рефлексии различных социальных слоев, групп и сообществ. Эти различия определяются характерной социальной ритмикой и способами надления смыслом прошлого, настоящего и будущего. Политическая судьба отдельных политических субъектов в известной степени зависит от их динамизма и чувства времени. Необходимость обращения к хронополитике становится более актуальной в условиях современной культуры, для которой характерна множественная темпоральность.

Ключевые слова: феноменология времени, хронополитика, политическое время, темпоральность, политическое мышление, политическая субъектность.

Репрезентация политического, по словам А. Бадью, всегда связана с временными смещениями и конструированием «прошлого в настоящем» и «настоящего в будущем» [Бадью, 2005]. В современных условиях интерес к проблематике политического времени и времени в политике существенно возрастает в связи с глобальными трансформациями, которые вызывают переориентацию политической рефлексии с напряжённости между «пространством опыта» и «горизонтами ожидания» на презентизм [Гумбрехт, 2006] и «реальное время» [Вирилио, 1996]. В условиях глобализации политическая конкуренция определяется не только возрастающей скоростью изменений [Virilio, 2006], но доминированием времени над пространством и хронополитики над геополитикой.

В российской философии политики и политической науке хронополитика разрабатывается как область политических исследований, связанных прежде всего с эволюцией политических систем [Ильин, 1995], динамикой политических изменений и процессов [Ильин, 1993]. Хронополитическая проблематика рассматривается в контексте неравномерности развития российского общества, в котором различные сектора и слои живут в разной ритмике, что обостряет драматизм чередования мобилизационного и застойного времени [Ильин, Панарин, 1994: 81-109]. Политическое время описывается в контексте темпоральности символической политики и отличается от времени психологического, социального, исторического и, тем более, от времени биологического и физического [Сунгуров, 2016].

Обоснование научно-исследовательской программы хронополитики соотносится с транзитологией и включает интеграцию исследований в таких направлениях, как собственная изменчивость политики, масштабность перемен и становление мировой политики, ритмика политических процессов, их темп, динамика и неравномерность (в том числе, с позиций циклических и волновых теорий) [Чихарев, 2005b: 24-28], что открывает возможность перспективных

компаративистских исследований. Это достаточно объёмная, но весьма разнородная предметная область, научная разработка которой невозможна на основании единой методологии, хотя бы потому, что понятие «времени» здесь употребляется в недостаточно определённом смысле и наполняется каждый раз разным и иногда противоречивым содержанием. Например, когда речь идёт о готовности разных социальных слоёв к переменам, или когда рассматриваются особенности чередования застойного и мобилизационного времени, время понимается через призму политической рефлексии, связанной с переживанием и проживанием времени.

В других случаях, когда речь идёт об исследовании социокультурных, социально-экономических и политических процессов, время понимается совершенно в ином смысле, в контексте таких понятий, как «изменение», «движение», «динамика». Категория «времени» в этих случаях часто рассматривается как более общая категория, дополняющая и уточняющая понятия «модернизации», «развития», «усложнения», «реформы», «революции» [Чихарев, 2005a: 77]. Это позволяет конкретизировать характер и области применения названных понятий, но вместе с тем создаёт затруднения в прояснении содержания самой категории «времени».

По Аристотелю, время нельзя мыслить как разновидность движения или изменения: «изменение может идти быстрее или медленнее, время же не может, так как медленное и быстрое определяется временем»; «время же не определяется временем ни в отношении количества, ни качества» [Аристотель, 1981: 147]. Впрочем, в истории философии сложились разнообразные подходы к определению времени, обзор которых выходит за рамки этой статьи. Разумеется, хронополитические исследования могут ориентироваться на разные философские направления концептуализации проблематики времени, однако в этом случае вряд ли можно говорить о хронополитике как целостной научно-исследовательской программе. Возможно, с многозначностью методологических оснований хронополитики

связана некоторая асимметрия между ее эвристическим и прикладным потенциалом, с одной стороны, и недостаточным интересом к ней – с другой.

Преодоление этой асимметрии может быть основано на более активном обращении к философской проблематике времени, позволяющей объяснить, каким образом время оказывает влияние на политическое сознание и политическое действие, и каким образом оно определяет темпоральную природу власти. О хронополитике как области исследования роли времени в политической рефлексии и политическом действии писали А.М. Пятигорский и О.Б. Алексеев, по мнению которых она «не является ни одним из классов политики (как общего понятия), ни одной из разновидностей конкретных политик», а представляет собой «термин и понятие политической философии и, в то же время, элемент возможной политической теории» [Пятигорский, Алексеев, 2017: 158].

Такой подход к хронополитике обосновывается, по их мнению, современными политическими тенденциями. В том числе, тенденцией утраты идеологиями своей притягательности для большинства наблюдателей, что придаёт новое понимание фактора времени в политической рефлексии [Пятигорский, Алексеев, 2017: 160-166]. Следует отметить, что ряд прикладных исследований политических конфликтов исходят из рассмотрения их именно как конфликтов политических рефлексий, различия между которыми определяются различиями в переживании времени. Одним из примеров является исследование кризиса сообществ канадских арктических поселений, где наблюдались диссонансы между линейным историческим временем и традиционной цикличной ориентацией инуитских народов, проявлявшейся в том числе, в сезонно-цикличной миграции [Christie, Halpern, 1999: 739-749].

Трансформация общества в логике сетевого индивидуализма актуализирует проблему многообразия индивидуальных темпоральностей как условий общественного и политического участия. В этих усло-

виях интерес представляет исследование изменения темпоральности политического мышления в условиях множественной публичности [Ссорин-Чайков, 2011] и характерного для сетевой идентичности размывания личных границ [Силантьева, 2019]. В частности, обращает на себя внимание феномен инверсии памяти, которая может подвергаться многообразным интерпретациям, создавая возможность взглянуть на жизнь из любой временной точки, включая моменты, выходящие за границы собственной жизни субъекта политической идентичности [Ярская, 2015]. Актуальность приобретает исследование переживания времени индивидом в его конкретных практиках обращения к прошлому, в том числе, феномен ностальгии [Николаи, 2015]. Значение обозначенной проблематики проявляется также в связях между восприятием исторического прошлого и национальными идентичностями [Вжосек, 2010], которые в последнее время также претерпевают существенные трансформации.

Названные направления в хронополитических исследованиях наиболее тесно связаны с феноменологической философией, в рамках которой проблематика времени восходит к работам Э. Гуссерля [Гуссерль, 1994] и М. Мерло-Понти [Мерло-Понти, 1999]. В феноменологической перспективе хронополитика предстаёт как область знания, исследующая прежде всего вопрос о том, каким образом время определяет конституирование политических миров, с характерными для них политической рефлексией, политическим сознанием и политическим действием. Продвижение к методологии хронополитики на основании феноменологии времени представляется весьма перспективным не только потому, что в феноменологии обстоятельно прорабатывается проблематика времени, но прежде всего потому, что для феноменологического подхода проблема времени выступает как центральная в понимании темпоральности сознания [Кузнецов, 2010: 75-76]. Феноменология содержит значительный потенциал, позволяющий объяснить, как время оказывает влияние на политиче-

ское сознание и политическое действие и, что особенно важно, выявить темпоральную природу политической власти.

Проблема времени в феноменологии рассматривается в контексте репрезентации реальности в том виде, в каком она предстает в мышлении и жизненных мирах человека, включая его воображаемые миры. Причем, само время не следует рассматривать как феномен: по словам К. Романо, оно – «не феномен, а условие или возможность описания феноменов», которые обладают собственной темпоральностью. В этом смысле феноменология времени может быть только косвенной в том смысле, что она описывает «различные типы изменений и разнообразные модальности имеющегося у нас опыта этих изменений, чтобы высветить возможные условия описания этих феноменов» [Романо, 2017: 135]. Но время непосредственно связано не только с переживанием субъектом меняющихся феноменов, но и с его способностью создавать воображаемые реальности, а также с самой субъектностью, в которой, как писал Э. Гуссерль, «его конституирует себя для себя самого, так сказать, в единстве некой истории» [Гуссерль, 2006: 161]. Связь времени с субъектностью (в том числе, со способностью политических субъектов создавать воображаемые миры, которые обретают черты политической реальности) представляет существенный интерес в хронополитике, если определять ее в русле политической когнитивистики.

В обосновании методологии хронополитики принципиальное значение имеет феноменологическое различие непосредственно созерцаемого времени и времени, постигаемого в дискурсивных формах. Первое можно редуцировать до временных параметров эмпирического (докатегориального) освоения мира, а второе связано с абстрактно-образным представлением о времени. Очевидно, что каждое событие вписывается прежде всего в то непосредственно созерцаемое время, в котором оно происходит и постигается эмпирически. Однако это время не является самодостаточным, а воспринимается в контексте концептуальных пред-

ставлений, характерных для определенной картины мира. Поэтому взаимосвязь непосредственно созерцаемого времени и времени, постигаемого в дискурсивных формах, представляет собой достаточно сложную проблему, требующую для своего описания развернутого аналитического инструментария. Например, обычное рассмотрение непосредственно созерцаемого времени как череды сменяющихся друг друга временных моментов «теперь», идущих из прошлого в будущее является сильным упрощением. Уже простое восприятие времени связано с одновременной актуализацией прошедшего и предвосхищением будущего. В любом актуальном переживании настоящего уже содержится временное смещение, вторжение инаковости.

Э. Гуссерль исходил из того, что простое переживание того или иного события содержит влияние воображения и иллюзий, предвосхищений и запоминаний, которые каждое актуальное переживание обращают в контексты прошлого и будущего – в сеть потенциалов и ретенций (предвосхищений и запоминаний) [Гуссерль, 2006: 113-114]. Очевидно, что простого анализа соотношения прошлого, настоящего и будущего тоже недостаточно, поэтому М. Хайдеггер вводил четвертое измерение времени (или, как он писал, «по сути дела – первое»). Это «всё собою определяющее протяжение», благодаря которому обретается единство прошлого, настоящего и будущего: в «ещё-не настоящем», «уже-не настоящем», и самом настоящем разыгрывается «свой род касания и вовлечения, то есть присутствия», которое «покоится на игре каждого в пользу другого» [Хайдеггер, 1993: 400].

В целях конкретизации тезиса о соотношении непосредственно созерцаемого времени и времени, постигаемого в дискурсивных формах, обратимся к анализу темпоральной природы политической субъектности в контексте противопоставления политического мышления и политической деятельности. В работах М.М. Бахтина о хронотопе важным является разделение на «автора» и «героя», которое представляет интерес не только

и не столько в качестве обоснования литературоведческого метода, но, прежде всего, как феноменологическая проблема, способствующая, в том числе, продвижению в понимании политической субъектности. В основании хронотопического метода у Бахтина лежит диалогическое противопоставление Я – другой, которое в современном гуманитарном знании приобретает не только гносеологический, но прежде всего, онтологический характер. Каждая сторона диалога в определённое время активно причастна бытию со своего уникального времени-места. Видение мира субъектом в значительной степени определяется фактором его локализации во времени и пространстве («единственностью наличного бытия»).

Эта уникальная локализация всегда определяется по отношению к другому как «внезаходимость». «Избыточность видения» по отношению к другому оборачивается недостатком видения себя самого без другого. «У меня нет точки зрения на себя извне, у меня нет подхода к своему внутреннему образу», – писал М.М. Бахтин [Бахтин, 2000: 240]. Этот «избыток другого» и является исходной основой для диалога, в котором участники удерживают общий смысл, несмотря на различие во временной и пространственной локализации.

Через диалог с другим субъект обретает определённую независимость по отношению к своей локализации и способность достраивать свои представления до целостной картины (поскольку, по словам М.М. Бахтина, именно «внезаходимость – необходимое условия для сведения к единому формально-эстетическому ценностному контексту различных контекстов» [Бахтин, 2000: 13]). В результате субъект всегда как бы «раздваивается» на того, кто мыслит («автора») и того, кто действует («героя»). «Внезаходимость» открывает в самом субъекте несовпадение между «автором» и «героем». Эта внутренняя раздвоенность субъекта, а не его противопоставленность внешнему миру объектов (по принципу «субъект/объект») оказывается принципиальной в освоении политической реальности.

В феноменологическом учении об интенциональности сознания уже содержится указание на эту раздвоенность. Сознание всегда есть «сознание о...», оно всегда направлено на предмет, оно – «автор». Но оно может обнаружить себя только в столкновении с «иным» – с «героем», который придаёт оформленность и завершённость позиции «автора». У «автора» всегда должен быть свой «герой», поскольку никакое Я невозможно без Другого. Именно этот «дискурс Другого» (не как конкретного другого человека, а как обобщённого Другого) задаёт темпоральную структуру восприятия мира, давая возможность субъекту полагать «видимой» ту часть объекта, которую сам субъект не видит (невидимое оказывается видимым другими и Другим). И поэтому, благодаря присутствию Другого, видимое и невидимое соединяются в целостную картину мира, отсутствующее становится присутствующим, а мир обретает глубину и наполняется сложными переходами и различными оттенками возможного.

Дискурс Другого, который часто предстаёт как дискурс власти и выражен в таких символических структурах, как религиозные доминанты, «груз традиций», наследие истории, политические идеологии или другие рациональные построения, а также политическое бессознательное, предшествует опыту взаимодействия реальных политических субъектов. В своих взаимодействиях реальные субъекты актуализируют друг для друга дискурс Другого, что в конкретных политических мирах определяет многообразие игры смыслов, предметности и потенциальности, центра и периферии.

Как писал в «Логике смысла» Ж. Делез, главное, что создает Другой, – это возможные миры, он «наделяет реальностью те возможности, которые он в себе несёт, – особенно посредством речи» [Делез, 1998: 402]. В этом смысле язык представляет собой «реальность возможного как такового». И дискурс Другого – «это возможный мир, упрямо пытающийся сойти за реальный». Если Я обретает себя только через Другого, то именно Другой делает восприятие возможным, напол-

няя мир задними планами и предписывая «возможность пугающего мира, когда я ещё не испугался, и, наоборот, возможность обнадеживающего мира, когда я в действительности напуган этим миром» [Делез, 1998: 405].

Однако взаимодействие с другими и Другим содержит весьма важную для философии политики особенность: в результате этого взаимодействия субъект всегда опрокидывается в прошлое. Как об этом писал Ж. Делез: «Если другой – это возможный мир, то Я – это прошлый мир. Ошибка теорий познания в том, что они постулируют одновременность субъекта и объекта, в то время как один из них полагается уничтожением другого» [Делез, 1998: 406]. Это несовпадение субъекта с самим собой имел в виду М.М. Бахтин, когда говорил: «Я не герой своей жизни» [Бахтин, 2000: 135]. «Вненаходимость» и раздвоенность субъекта заставляет человека искать собственную самость не в себе самом, а при столкновении с Другим, который и открывает для него его собственное сознание – «сознание о...». Более того, как замечает М. Фуко, «именно потому, что человек не одновременен со своим собственным бытием, вещи способны ему даваться в собственном времени» [Фуко, 1994: 356].

Таким образом, в хронополитических исследованиях следует исходить из идеи о том, что каждая политическая субъектность возникает в разных временах, несовпадающих между собой. И именно это несовпадение делает возможным переживание времени присутствующего, которое всегда открывается отсутствующим. В политической сфере, как показал Н. Луман, такое соотнесение присутствующего и отсутствующего возможно через соотнесение действительности и идеала («присутствующее обязано собой отсутствующему, которое делает возможным его явление» [Луман, 2002: 330]). В этом соотнесении принципиальным оказывается именно время, которое определяет особенности идеологического мышления: «темпорализация и идеологизация в известной мере выручают друг друга там, где речь идёт о компенсации утери реальности» [Луман, 1991: 203].

Открытие этого «темпорального смещения» позволяет анализировать современные политические миры, в которых утрата способности создавать убедительные репрезентации политической реальности провоцирует не только рост популизма и ностальгии, но и угрозы экстремизма и фундаментализма. Поэтому ключевой проблемой хронополитических исследований становится проблема внутреннего для политического субъекта «темпорального смещения» – его несовпадения с самим собой, а также тех следствий, которые порождает такое темпоральное смещение в условиях современной культуры – культуры, всё больше ориентирующейся на «реальное время», презентизм и множественную темпоральность.

В целях конкретизации категории «времени» и перевода её в предметное поле хронополитических исследований обратимся к известной работе французского философа А. Лефевра «Производство пространства». Он выделяет пространственную практику (воспроизводство пространственных позиций), репрезентации пространства (систему кодов и знаков, обеспечивающих понимание пространства) и пространства репрезентации (воспроизводящие сложные символические структуры и скрытые стороны социальной пространственности). Пространство у Лефевра, таким образом, предстаёт как некий троичный порядок: одновременно практический, мыслимый и проживаемый. Причём все три аспекта пространства у Лефевра соотносятся с топосом телесности.

Телесность также проявляется в разных аспектах. Отношение к собственному телу и использование тела в социальной практике задаёт воспринимаемое пространство внешнего мира. Далее Лефевр говорит о репрезентации тела (определяемой накопленными знаниями, представлениями, идеологией и т.п.). И, наконец, он выделяет аспект переживания (проживания) телесного, которое находится под влиянием сложных культурных символизаций. В этом последнем аспекте телесность, попадая под репрессивное воздействие морали, превращается в своеобразное «тело без органов» [Lefebvre,

1991: 33-40]. Следует отметить, что эта идея троичности проявления пространственных эффектов не случайна и представляется весьма устойчивой.

Поскольку существует континуальная связь времени и пространства, можно воспользоваться аналогичной схемой применительно к конкретизации проявления времени в политике и политического времени. В хронополитических исследованиях также следует иметь в виду три полюса, которыми определяется многообразие проявления времени в политической рефлексии и политическом действии. Естественные (собственно физические) характеристики времени проявляются не непосредственно, а в трёх основных формах – практических, мыслимых и проживаемых. Время проявляет себя прежде как система кодов, задающих структуры языка и другие символические структуры, определяющие переживание времени, телесности, принципы означивания темпоральностей, в которых осуществляются политические действия. А также необходимые для их осуществления предметы, стили и формы коммуникации. Соответственно, речь идёт о временных кодах, которые непосредственно связаны с пространственными кодами, а также с другими кодами – телесными, предметными, идеографическими, вербальными, кодами поддержания границ различных политических систем, кодами консолидации политических сообществ, кодами политического управления.

Разворачивающиеся в политической реальности темпоральности варьируются в зависимости от различного опыта политических субъектов. В основании объективации политической рефлексии лежат многообразные представления о политическом времени, которое становится условием политического действия. Многообразные формы переживания политического времени и способности управления им в значительной степени определя-

ют различия в политической рефлексии групп и сообществ, в рамках которых существуют внутренняя для них социальная ритмика и способы наделяния смыслом прошлого, настоящего и будущего. Одни группы ориентируются на прошлое, воспроизводя традиционные практики из поколения в поколение, другие – на целенаправленное достижение будущего, третьи – на актуальную политическую ситуацию. Политическая судьба отдельных групп и субъектов в известной степени зависит от их динамизма и чувства времени.

Обоснование философской сущности времени и его роли в мышлении имеет богатую традицию. В частности, в философии И. Канта и неокантианстве Э. Кассирера, феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, экзистенциализме К. Ясперса, иррационализме А. Бергсона и бергсонизме Ж. Делеза. Поэтому прочтение хронополитики с точки зрения философской (и прежде всего феноменологической) проблематики времени представляется весьма перспективным и продуктивным в исследовании политической субъектности, политического мышления и политического действия. Прежде всего, следует иметь в виду внутреннюю темпоральность политических феноменов, различать непосредственно переживаемое время, и время, которое задается дискурсивно. Феноменология признаёт за конкретным субъективным опытом самостоятельное значение, в конституировании политического смысла субъект движется от первичного, перцептуального уровня к абстрактному, концептуальному. Политика всегда связана со столкновением разных способов проживания и концептуализации времени. В этом столкновении принципиальную роль играет активность политических субъектов, успешность которых будет напрямую связана с темпоральными характеристиками их политического мышления и действия.

Список литературы:

Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. 613 с.

- Бадью А. Мета / Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М.: Логос, 2005. 240 с.
- Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
- Вжосек В. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи. // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 5-13.
- Вирилио П. Тирания настоящего времени // Искусство кино. 1996. № 1. С. 130-133.
- Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
- Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2006. 384 с.
- Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т.1. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. 162 с.
- Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
- Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1994. 283 с.
- Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии: Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. М.: МГИМО(У) МИД России, 1995. Ч. 1 – 112 с. Ч. 2-3 – 140 с.
- Ильин М.В. Ритмы и масштабы политических перемен. О понятиях «процесс», «изменение», «развитие» в политологии // Полис. Политические исследования. 1993. № 2. С. 57-68.
- Кузнецов В.Ю. Феноменология времени и порядки рефлексии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2010. № 4. С. 75-82.
- Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 194-217.
- Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества // Теоретическая социология: Антология. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 319-352.
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 602 с.
- Николаи Ф.В. Антропология как ностальгия: на перекрестках прошлого и настоящего // Новое литературное обозрение. 2015. № 4. С. 346-350.
- Пятигорский А.М., Алексеев О.Б. Размышляя о политике. М.: Новое издательство, 2008. 190 с.
- Романо К. Авантюра времени. М.: РИПОЛ классик, 2017. 220 с.
- Силантьева М.В. Социальная транспарентность и личные границы: парадоксы глобальной культуры // Гуманитарный вектор. 2019. Том 14. № 4. С. 24-31.
- Ссорин-Чайков Н. Множественная темпоральность: перевод, обмен и антропология времени // Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии: доклады участников XVII международного симпозиума. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 7-30.
- Сунгуров А.Ю. Время и политика: Введение в хронополитику. СПб.: Алетейя, 2016. 186 с.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сad., 1994. 408 с.
- Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
- Чихарев И.А. Хронополитика в политической науке XX – начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005а. № 4. С. 64-78.
- Чихарев И.А. Хронополитика: развитие исследовательской программы // Полис. Политические исследования. 2005b. № 3. С. 21-33.
- Ярская В.Н. Калейдоскоп времени. Следы биографии. М.: Вариант, 2015. 243 с.
- Christie L., Halpern J.M. Temporal constructs and Inuit mental health // *Social Sciences and Medicine*. 1999. V. 30 (6). P. 739-749.
- Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford UK and Cambridge USA: Blackwell Publishers, 1991. 454 p.
- Virilio P. *Speed and Politics*. N.Y.: Semiotext(e), 2006. 174 p.

Об авторе:

Горин Дмитрий Геннадьевич – д.филос.н., профессор кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 117997, Москва, Стремянный пер., 28, корп. 1, ауд. 340. E-mail: dm.gorin@mail.ru.

FROM THE PHENOMENOLOGY OF TIME TO CHRONOPOLICY

D.G. Gorin

Plekhanov Russian University of Economics.
117997, Moscow, Stremjannyj per, 28, корп.1, ауд. 340.

Abstracts. *The article considers the role of the phenomenology of time in substantiating the methodology of chronopolitics. In a phenomenological perspective, chronopolitics appears as a field of knowledge that primarily studies the question of how time determines the constructing of political worlds with their political reflection, political thinking and political action. The political reflection is based on the diverse forms of the political time experience, which determine the conditions for political action. In chronopolitical studies of the political worlds constructing, the fundamental importance is the distinction between the directly contemplated time and the discursively comprehended time. The problem of political subjectivity is considered in the context of the internal "temporal bias" arising because of contradictions between the practical, conscious and experienced forms of time. For example, such a "temporal shift" is manifested in the correlation of the political ideal and the actual political reality. It is the temporalization that helps to resolve the contradictions between the due and the existing in political thinking: the due and the existing are correlated, as a rule, in time. The diverse forms of experience of political time and the ability to manage it largely determine the differences in political reflection of different social strata, groups and communities. These differences are determined by the characteristic social rhythms and ways of giving sense to the past, present and future. The political prospects of the individual political actors depend to a certain extent on their dynamism and sense of time. The chronopolitics becomes more relevant in the conditions of modern culture, which is characterized by the multiplicity of temporality.*

Key words: *phenomenology of time, chronopolitics, political time, temporality, political thinking, political subjectivity.*

References:

- Aristotel'. *Sochinenija v 4 t. T. 3* [Works in 4 t. T. 3]. Moscow, Thought, 1981. 613 p. (In Russian).
- Bad'ju A. *Meta / Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkij traktat po metapolitike* [Meta / Policy: Is it Possible to think policy? A brief treatise on metapolitics]. Moscow, Logos, 2005. 240 p. (In Russian).
- Bahtin M.M. *Avtor i geroj: K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk* [Author and hero: To the philosophical foundations of the humanities]. Saint-Petersburg, Alphabet, 2000. 336 p. (In Russian).
- Vzhosek V. *Klassicheskaja istoriografija kak nositel' nacional'noj (nacionalisticheskij) idei* [Classical historiography as the bearer of a national (nationalist) idea]. *Dialog so vremenem – Dialogue over time*, 2010, no. 30, pp. 5-13 (In Russian).
- Virilio P. *Tiranija nastojashhego vremeni* [The tyranny of the present]. *Iskusstvo kino. - The Art of Cinema*, 1996, no. 1, pp. 130-133 (In Russian).

Gumbrecht H.U. *Proizvodstvo prisutstvija: Chego ne mozhet peredat' znachenie* [Production of presence: What meaning cannot convey]. Moscow, New Literary Review, 2006. 184 p. (In Russian).

Gusserl' Je. *Kartezianskie razmyshlenija* [Cartesian reflections]. Saint-Petersburg, Science, 2006. 384 p. (In Russian).

Gusserl' Je. *Sobranie sochinenij. T.1. Fenomenologija vnutrennego soznaniya vremeni* [Phenomenology of the internal consciousness of time]. Moscow, Gnozis, 1994. 162 p. (In Russian).

Delez Zh. *Logika smysla* [The logic of meaning]. Fuko M. *Theatrum philosophicum*. Moscow, Rarity, Yekaterinburg, Business Book, 1998. 480 p. (In Russian).

Il'in V.V., Panarin A.S. *Filosofija politiki* [The philosophy of politics]. Moscow, Moscow State University M.V. Lomonosov, 1994. 283 p. (In Russian).

Il'in M.V. *Ocherki hronopoliticheskoj tipologii: Problemy i vozmozhnosti tipologicheskogo analiza jevoljucionnyh form politicheskikh sistem* [Essays on chronopolitical typology: Problems and possibilities of a typological analysis of evolutionary forms of political systems]. Moscow, MGIMO (U), Ministry of Foreign Affairs of Russia, 1995. Part 1 – 112 p. Part 2-3 – 140 p. (In Russian).

Il'in M.V. Ritmy i masshtaby politicheskikh peremen. O ponjatijah «process», «izmenenie», «razvitie» v politologii [The rhythms and scope of political change. On the concepts of «process», «change», «development» in political science]. *Polis. Politicheskije issledovanija – Policy. Political research*, 1993, no. 2, pp. 57-68 (In Russian).

Kuznecov V.Ju. Fenomenologija vremeni i porjadki refleksii [The phenomenology of time and the orders of reflection]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7. Filosofija – Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*, 2010, no. 4, pp. 75-82 (In Russian).

Luman N. Tautologija i paradoks v samoopisanijah sovremennogo obshhestva [Tautology and paradox in self-descriptions of modern society]. *SOCIO-LOGOS*. Moscow, Progress, 1991. pp. 194-217 (In Russian).

Luman N. «Chto proishodit?» i «Chto za jetim kroetsja?». Dve sociologii i teorija obshhestva [«What is happening?» And «What is behind this?» Two sociology and the theory of society]. *Teoreticheskaja sociologija: Antologija* [Theoretical sociology: Anthology]. Moscow, Book house «University». 2002, pp. 319-352 (In Russian).

Merlo-Ponti M. *Fenomenologija vosprijatija* [Phenomenology of perception]. Saint-Petersburg, Juventa, Science, 1999. 602 p. (In Russian).

Nikolai F.V. Antropologija kak nostalgija: na perekrestkah proshlogo i nastojashhego [Anthropology as nostalgia: at the crossroads of the past and the present]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Review*, 2015, no. 4, pp. 346-350 (In Russian).

Pjatigorskij A.M., Alekseev O.B. *Razmyshljaja o politike* [Meditating on politics]. Moscow, New Publishing House, 2008. 190 p. (In Russian).

Romano K. *Avantjura vremeni* [Adventure of the times]. Moscow, RIPOL classic, 2017. 220 p. (In Russian).

Silant'eva M.V. Social'naja transparentnost' i lichnye granicy: paradoksy global'noj kul'tury [Social transparency and personal boundaries: paradoxes of global culture]. *Gumanitarnyj vektor – Humanitarian vector*, 2019, vol. 14, no. 4, pp. 24-31 (In Russian).

Ssorin-Chajkov N. Mnozhestvennaja temporal'nost': perevod, obmen i antropologija vremeni [Multiple temporality: translation, exchange and anthropology of time]. *Puti Rossii. Budushhee kak kul'tura: prognozy, reprezentacii, scenarii: doklady uchastnikov XVII mezhdunarodnogo simpoziuma* [Ways of Russia. The future as a culture: forecasts, representations, scenarios. Reports of participants of the XVII international symposium]. Moscow, New Literary Review, 2011, pp. 7-30 (In Russian).

Sungurov A.Ju. *Vremja i politika: Vvedenie v hronopolitiku* [Time and Politics: An Introduction to Chronopolity]. Saint-Petersburg, Aletheia, 2016. 186 p. (In Russian).

Fuko M. *Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk* [Words and things. Archeology of the humanities]. Saint-Petersburg, A-cad., 1994. 408 p. (In Russian).

Hajdegger M. *Vremja i bytie: stat'i i vystuplenija* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Republic, 1993. 447 p. (In Russian).

Chiharev I.A. Hronopolitika v politicheskoj nauke XX – nachala XXI v. [Chronopolicy in the political science of the XX - beginning of the XXI century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki – Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences*, 2005a, no. 4, pp. 64-78 (In Russian).

Chiharev I.A. Hronopolitika: razvitie issledovatel'skoj programmy [Chronopolicy: development of a research program]. *Polis. Politicheskie issledovanija – Policy. Political research*, 2005b, no. 3, pp. 21-33 (In Russian).

Jarskaja V.N. *Kalejdoskop vremeni. Sledy biografii* [Kaleidoscope of time. Traces of a biography]. Moscow, Variant, 2015. 243 p. (In Russian).

Christie L., Halpern J.M. Temporal constructs and Inuit mental health. *Social Sciences and Medicine*, 1999, V. 30 (6), pp. 739-749.

Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford UK and Cambridge USA, Blackwell Publishers, 1991. 454 p.

Virilio P. *Speed and Politics*. New York, Semiotext(e), 2006. 174 p.

About the Author:

Gorin Dmitry Gennad'yevich – Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Political Science and Sociology of Plekhanov Russian University of Economics. 117997, Moscow, Stremjannyj per, 28-1, office 340. E-mail: dm.gorin@mail.